

Интервью с Еленой Валерьевной ТЫКАНОВОЙ

«...МОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «КАЧНУЛОСЬ» ОТ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ЛЕГИТИМАЦИЙ УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТОВ К РАССМОТРЕНИЮ ИХ ПРАКТИК...»

Тыканова Е. В. – окончила факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета (2010 г.), кандидат социологически наук (2013 г.). Старший научный сотрудник, ученый секретарь диссертационного совета Социологического института РАН, ассистент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ, доцент, НИУ Высшая школа экономики (СПб филиал).

Основные области исследования: городские исследования, культуральные исследования, исследования сообществ, оспаривание городского пространства, социология общественных движений, креативные индустрии, креативные сообщества и культурное потребление в большом городе.

Интервью состоялось: апрель – июль 2015 г.

Конец июля 2015 года, в галерее респондентов почти 130 портретов; первые интервью состоялись в 2005 году, десять лет назад. И, по крайней мере, половину этого времени я ожидал такую беседу, которая состоялась с Еленой Валерьевной Тыкановой. Это стало ясно мне уже в самом начале нашего общения.

Не позже 2009 года я обратил внимание на «социологическую карту» Ленинграда-Петербурга и увидел, что зарождение «ленинградской социологической школы» и ее развитие происходило и происходит в буквальном смысле «на берегах Невы». Сначала был философский факультет ЛГУ, где учились А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов и их коллеги по первой в стране социологической лаборатории.

Факультет — как и сейчас — располагался на Стрелке Васильевского острова, а лаборатория исходно размещалась в разваливавшемся тогда Меншиковском Дворце на набережной Невы. Потом коллектив Ядова работал в родившемся в 1965 году Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований, который многие годы занимал Дворец Бобринских, в конце Галерной улицы. Пропущу некоторый события, с 1974 года академическая социология была «прописана» в Институте социально-экономических проблем РАН на Шпалерной (тогда Воинова) улице, это тоже — на берегу Невы.

На той же улице находится величественное здание Таврического Дворца, в нем с 1944 по 1971 гг. работала Ленинградская высшая партийная школа. В середине 1960-х кафедру марксистско-ленинской философии возглавил А.Г. Здравомыслов, и при ней была небольшая социологическая группа, решавшая проблемы партийной социологии.

И вот уже четверть века социологический факультет Санкт-Петербургского университета располагается в комплексе зданий Смольного, в непосредственной близости от Невы.

Из истории науки и культуры известно, что многие черты науки и особенности творчества ученых является продолжением, следствием культурной среды, в которой работают исследователи. Следовательно, в ленинградской социологии оправданно искать дух старого Петербурга, архитектура которого, равно как и ленинградцы, пережившие блокаду и жившие в нем в середине прошлого века, определяли многие черты городской среды и повседневного общения горожан. Конечно, здесь, прежде всего, речь идет о методологической установке, о парадигматике поиска, но не только. Вещное наполнение, содержание городской среды послевоенного Ленинграда может быть найдено на фотографиях, сделанных в те годы, более того, опытный наблюдатель и сейчас многое увидит в структуре старых районов города, в фасадах и дворах домов и т.д. Быт и тип общения ленинградцев предстает в прозе и стихах ленинградских литераторов, в воспоминаниях жителей города. Особенно ценны в этом плане биографические воспоминания ленинградских / петербургских социологов старших поколений. Приятно констатировать, что в нашей текущей жизни обнаруживается немало следов прошлого, еще не все потеряно, еще о многом можно узнать...

Некоторые весьма предварительные, общие соображения о корнях «ленинградской социологической школы» обсуждались мною с несколько лет назад умершим философом, эстетиком и социологом, профессором Тартуского университета Леонидом Столовичем [1], [2]. Ленинградец по-рождению, он учился на философском факультете ЛГУ одновременно со Здравомысловым, Ядовым, А.В. Барановым, А.А. Русалиновой и В.Я. Ельмеевым.

Когда я прочел ответ Лены Тыкановой, родившейся и живущей в Петербурге, на мой вопрос о том, в какой части города прошло ее детство и где она пошла в школу, я увидел или почувствовал в нем нечто, позволившее допустить, что в ее миропонимании и деятельности Петербург — больше, чем просто среда обитания. Вот фрагменты ее ответа:

Все мое детство неразрывно связано с центром Ленинграда и Санкт-Петербурга. С самого рождения и до сих пор я живу буквально в двух шагах от Староневского проспекта — на Исполкомской улице в доме в стиле модерн, построенном в 1914 году для церковного клира из Александро-Невской Лавры.

Все эти места очень дороги мне, наполнены воспоминаниями, запахами, мелодиями и значимыми жизненными событиями. <...> Интересно, что дорогими и значимыми становятся те элементы городского пространства, которые, кажется, не могут иметь какой-либо ценности, разве что только – субъективной. Так, окна моей квартиры на втором этаже выходят в классический питерской двор-колодец. Жильцы нижних этажей практически лишены дневного света. <...>

Болезненно вспоминаю уплотнительную застройку, когда на месте сквера, в котором прошло мое детство, возвели новое жилое здание. Никто из жильцов соседних домов не стал защищать это зеленое пространство. Думаю, в том числе и это событие, впоследствии, оказало влияние на мои исследовательские интересы.

В 7 лет я пошла в гимназию на Невском проспекте и доучилась в ней до 11 класса. Исторически, точнее – биографически, так сложилось, что и вся моя дальнейшая жизнь была связана с Центральным районом. После окончания школы с медалью я поступила на факультет социологии СПбГУ, который расположен на площади Растрелли и нынешние места моей работы преимущественно расположены именно в центре города.

Внесу ясность, в моей типологии поколений советских / российских социологов Тыканова принадлежит к младшей, седьмой страте (это те, кто родился в интервале – 1983–1994 гг.), она окончила университет лишь в начале 2010 года.

Лене повезло с преподавателем, Анисьей Михайловной Хохловой, у которой она прослушала курсы по социологии повседневности, по социологии города и по социологии культуры. После лекций, вечером Лена (она училась на вечернем отделении) с подругой и этим преподавателем шли к станции метро «Чернышевская» по улицам старого Петербурга, расположенным рядом с Невой.

Далее, Тыканова вспоминает: «На третьем курсе мы с моей коллегой по обучению Еленой Петровой прогуливались дворам в районе Удельной на пути к парку Сосновка. И вдруг у нас возникла идея изучать дворы. <...> именно в тот день возник искренний интерес к городским исследованиям, которыми я пытаюсь заниматься до сих пор. <...> мы делали с коллегой попытки своеобразным образом «подцепить» атмосферу и причудливое обустройство петербургских дворов методом визуальной антропологии, но, как оказалось, эти попытки были очень наивными. Однако с большим интересом изучали старые и новые фотографии Петербургских дворов. <...> По итогам нашего дрейфа по дворам мы написали первую свою публицистическую статью в журнале ЛЭТИ “Метроном Аптекарского острова”».

Летом 2010 года Елена Тыканова поступила в аспирантуру и поступила на кафедру социологии культуры и коммуникации, где ее научным руководителем стал профессор Владимир Иванович Ильин, специалист по изучению повседневности и опытный фотохудожник.

В аспирантуре ее внимание было сфокусировано на анализе участников конфликтов, возникающей практике процессов оспаривания городского пространства и широкого социально-политического и социально-экономического контекста, в котором действуют конфликтующие стороны. И опять в поле ее зрения – уже как исследователя – было при-Невское пространство, так называемый Сергиевский квартал. Это – элитная часть города, ограниченная набе-

режной реки Фонтанки, Кутузовской набережной, проходящей над Невой, ул. Чайковского и Гагаринской улицей. В 2013 году Тыканова успешно защитила кандидатскую диссертацию.

Итак, исторический центр Петербурга вошел в сознание и в личностный мир Елены Тыкановой в детстве и ранней юности, и довольно быстро Петербург стал темой ее научных интересов. Это означает, что в своей научной и педагогической деятельности она будет тяготеть к рассмотрению проблем города и населения не с абстрактных, технократических, бюрократических позиций, но с пониманием истории города, его культуры. Будет стремиться слышать «голос города».

1. Столович Л. Я могу говорить о «петербургском духе» социологии // Телескоп. 2010. №6. С. 13–15 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1328194692116213file.pdf

2. Докторов Б. К социокультурным корням «Ленинградской социологической школы». Там же. С. 15–16.

Тыканова Е.В.: «...мое исследование «качнулось» от изучения дискурсивных легитимаций участников конфликтов к рассмотрению их практик...»

Лена, мне кажется, что я никогда не слышал Вашей фамилии — Тыканова. Что Вы знаете о ее происхождении, что вообще Вы знаете об истории Вашей семьи?

Борис Зусманович, большое спасибо за предложение принять участие в Вашем проекте. Для меня возможность рассказать о себе и, тем самым, своеобразным образом вплести свою все же еще только начинающуюся социологическую биографию, в ту коллекцию «голосов», которая уже собрана, представляет одновременно и предмет гордости, но, в то же время, и — определенного душевного волнения.

Действительно, Вы правы, фамилия Тыканова — достаточно редка. При этом, к сожалению, я не могу так подробно рассказать об истории моей семьи, как бы этого хотелось, а желанию «держаться корней» или хотя бы знать о ней больше помешали советская коллективизация и раскулачивание, которые унесли за собой и людей, и их память.

Мои прабабушка и прадедушка жили в Архангельской области в том месте, где сейчас находится город Северодвинск. Они были свободными крестьянами, и со временем своим упорным трудом им удалось разбогатеть. Это была достаточно большая семья: шесть или семь детей, у них был трехэтажный деревянный дом, они имели сколько-то голов крупного и мелкого скота, нанимали работников для сельскохозяйственных забот, и сами трудились с ними с утра до позднего вечера. В начале тридцатых годов начался процесс «раскулачивания», который коснулся и моих предков — на тот момент зажиточных крестьян. Мне известна легенда, что прабабушку и прадедушку предупредили, что на утро их придут забирать. Они собрали все то ценное, что у них было, и закопали в неизвестном месте в надежде вернуться и отыскать свой тайник. К несчастью, этого не произошло. Поскольку обратно они вернуться уже не смогли. На утро приехали люди, которые разрешили им взять с собой только что-то из одежды, посадили в телегу, и дальнейшая судьба моих родственников была связана с дорогой в Сибирь. Большая часть детей погибли в пути... В том доме, который большевики освободили, долгое время находилась администрация местного поселения. В моем доме мы бережно храним уцелевшие старые фотографии нашей семьи, сделанные в начале XX века.

Фамилия досталась мне от моей мамы, маме — от моей бабушки. Моя мама, Тыканова София Николаевна, закончила среднюю школу в Мурманской области и приехала поступать в Ленинград в Ленинградский экономический институт им. Вознесенского. После окончания института по распределению она работала инспектором-аудитором в банке в городе Багратионовске Калининградской области, но мысль о Ленинграде не покидала и мучила ее, и мама нашла возможность снова вернуться в этот город. Всю жизнь мама проработала инженером-конструктором на судостроительном предприятии «Аврора», которое выпускает аппаратуру для подводных лодок. Интересно, что это предприятие активно сотрудничало с заводом «Севмаш» в Северодвинске, где и сегодня живут мои

тетя, двоюродные братья и двоюродные племянники, которые уже не носят мою фамилию. Один из них работает на «Севмаше». Из истории моей семьи известно, что мамин дядя Александр Тыканов уехал в Магаданскую область, там влюбился в местную якутку, у них было множество детей с монголоидным фенотипом и моей фамилией, а место, где они жили, и до сих пор живут мои родственники, получило неформальный топоним — Тыкановка.

Мой отец — Валерий Павлов, доктор физических наук, работает там же, где и я — в Санкт-Петербургском государственном университете, на физическом факультете. Никакого участия в моем воспитании он не принимал, поэтому рассказать о нем мне практически нечего.

Мы с мамой активно интересовались историей семьи и тем, что же случилось с нашими родными после того, как прабабушку и прадедушку увезли в Сибирь, искали родственников по только появившемуся тогда Интернету... Удивительно, но нам удалось найти в Санкт-Петербурге родственницу по фамилии Тыканова. Она как-то легко и без подозрений согласилась прийти к нам в гости, принесла с собой семейные фотографии и рассказала много всего увлекательного. Например, что представители нашего семейного древа жили не только в Архангельской, но и в Вологодской и Новгородской областях, а на одной из наших родственниц женился известный живописец и театральный художник — Константин Коровин.

К сожалению, наша новая родственница уехала к сыну в Германию и связь с ней на сегодняшний момент утеряна...

Я — из семьи художника, с детства знаю работы Коровина, только что прочел книгу социолога-театроведа В. Н. Дмитриевского (с ним я летом провел интервью) «Шаляпин», в ней — очевидно — присутствует и Коровин.

Так что Вы — ленинградка. В какой части города Вы прошло Ваше детство, где пошли в школу?

Все мое детство неразрывно связано с центром Ленинграда и Санкт-Петербурга. С самого рождения и до сих пор я живу буквально в двух шагах от Староневского проспекта — на Исполкомской улице в доме в стиле модерн, построенном в 1914 году для церковного клира из Александро-Невской Лавры. Все эти места очень дороги мне, наполнены воспоминаниями, запахами, мелодиями и значимыми жизненными событиями. Порой я себя чувствую как те бабушки, случайно встреченные в транспорте, которые с умилением рассказывают о местах своей памяти, о том, где здесь раньше была булочная, а где — можно было купить мороженое в железных креманках. Интересно, что дорогими и значимыми становятся те элементы городского пространства, которые, кажется, не могут иметь какой-либо ценности, разве что только — субъективной. Так, окна моей квартиры на втором этаже выходят в классический питерской двороколодец. Жильцы нижних этажей практически лишены дневного света.

Напротив одного из окон квартиры находится арка, ведущая на улицу, под сводами которой в дождливую погоду набиралась лужа. Отражаясь в ней ранним утром и на закате, солнце озаряло одну из комнат, а одним из способов моего познания «законой» уличной жизни — было наблюдение того, как

в этой замечательной луже отражаются перевернутые, торопливо шагающие по Исполкомской улице фигуры. К сожалению, при очередной смене покрытия, лужа больше не собирается под аркой, а я все меньше смотрю в окно.

Болезненно вспоминаю уплотнительную застройку, когда на месте сквера, в котором прошло мое детство, возвели новое жилое здание. Никто из жильцов соседних домов не стал защищать это зеленое пространство. Думаю, в том числе и это событие, впоследствии, оказало влияние на мои исследовательские интересы.

В 7 лет я пошла в гимназию на Невском проспекте и доучилась в ней до 11 класса. Исторически, точнее — биографически, так сложилось, что и вся моя дальнейшая жизнь была связана с Центральным районом. После окончания школы с медалью я поступила на факультет социологии СПбГУ, который расположен на площади Растрелли и нынешние места моей работы преимущественно расположены именно в центре города.

Пожалуйста, вспомните школу... ясно, учились Вы — отлично; что больше нравилось, чем занимались за стенами школы? Что читали Вы и Ваши ровесники (друзья) в старших классах?

Я училась в математическом классе, но, к своему удивлению, не сразу смогу вспомнить, что означает, скажем, логарифм или интеграл... У меня были дополнительные занятия по литературе, отечественной истории и спорту, которые в школьные годы доставляли мне самую большую радость и воодушевление.

Сейчас, оборачиваясь в сторону школьных воспоминаний, у меня в первую очередь возникают перед глазами прочитанные книги. С большим теплом вспоминаю моего учителя по литературе в 11 классе Стецкую Ирину Викторовну (недавно пыталась отыскать ее в Интернете), которая очень много и нетривиально с нами работала, раздвинула, насколько это было возможно, границы нашего воображения и чувствования, понимания художественного текста, развила наши критические способности и искусство аргументации. До сих пор помню ее: «В самых трудных жизненных ситуациях зачастую только сильная книга сможет вас спасти». В памяти вертится эпизод, когда мой одноклассник на вопрос Ирины Викторовны: «Что такое поэзия Блока?», — ответил: «Поэзия Блока — это космос».

В процессе моего погружения в литературу глубокое влияние на меня оказали семья Ганбергов-Плошко, которые в 10–11 классах часто разрешали мне брать книги из своей богатой библиотеки и с удовольствием обсуждали со мной прочитанное. Помню, как Миша Ганберг, который был старше меня в два раза, уверенно сказал, что «Степного волка» Гессе лучше всего читать в 30 лет, потому что многое просто не доступно подростковому жизненному опыту. Меня, тогда шестнадцатилетнюю, это сильно (по-хорошему) разозлило. Книга произвела острое впечатление и сегодня стала своеобразным цитатником в тех ситуациях, когда мне нужно как-то объяснить моим друзьям-несоциологам, что такое социальная феноменология. Я очень благодарна моему школьному другу Марии Вертилецкой, которая по-новому раскрыла для меня поэзию Манделштама, за долгие литературные разговоры по телефону, формат которых, наверное, в нынешних социальных условиях уже, в принципе, сложно представим. Кажется, мы в старших классах читали все, что только попадало нам в руки.

Наверное, можно сказать, что все это было не системно и беспорядочно, но я очень счастлива за то, что у меня был период беззаботного упоительного чтения: Татьяна Толстая и Сергей Довлатов, Франц Кафка и Махабхарата, Александр Солженицын и Густав Майринк, Анна Ахматова и Владимир Сорокин, Исаак Бабель и Андрей Платонов, Виктор Пелевин и Антуан де Сент-Экзюпери, Федор Достоевский и Эрих Мария Ремарк, Герман Гессе и Эрнест Хемингуэй, Владимир Набоков и Иосиф Бродский, Надежда Мандельштам и Илья Эренбург, Даниил Хармс и Оскар Уальд — это не все те, кого мне удалось прочитать за 11 класс.

К сожалению, сейчас все сложнее позволить себе хорошую художественную литературу, но отказываться от этого невозможно: чувствую, что без нее можно зачерстветь и с книгой не так страшно то, что порой происходит вокруг.

Мне, Лена, очень приятны Ваши замечания о значимости для Вас архитектуры, духа центра Петербурга. Когда-то я обращал внимание В. А. Ядова на то, что «вся социология» города тяготела и тяготеет к Неве. Первая социологическая лаборатория Ядова располагалась в Меншиковском Дворце, а философской факультет ЛГУ — на стрелке Васильевского острова. Одно время Ленинградские сектора Института социологии были на Ломоносовской улице, за Гостинным двором — самый центр старого Петербурга. Потом — ИСЭП АН СССР, на Шпалерной ул., куда уж ближе к Неве? Социологический ф-т СПб Университета — на Неве, Европейский Университет — на Неве... для меня во всем этом есть какой-то знак, требующий разгадки...

В каком же году Вы поступили в социологический факультет? Как пошло учение? К чему больше душа лежала? Чьи курсы Вас наиболее привлекали?

Я подала документы в приемную комиссию в июне 2004 года. Параллельно я отнесла документы в РГПУ им. Герцена и ФИНЭК. Цель была одна, и она была ясна — только Университет. Если честно признаться, то я с трудом себе представляла, что такое социология. В школе мне очень нравились география и история, но образ геолога в длительном дождливом походе и «человека с линейкой» (геодезиста) отпугивал, а тяга историков к изучению источников и некоторое невнимание к актуальным проблемам живых людей поспособствовали тому, что я выбрала что-то «комплексное», но при этом не менее для меня в тот момент «туманное». Помню, мы с мамой долго шли по коридору до приемной комиссии на философском факультете СПбГУ, на стенде я бегло просмотрела описания специальностей и как-то очень быстро остановилась на «социальной антропологии». Вот она — сила рекламного объявления, которая потом во многом определяет твою жизненную траекторию... У меня была серебряная медаль и было бы достаточно сдать первый экзамен — историю — на «отлично». До поступления я неистово готовилась к истории, посвящая этому все послешкольное время. Экзамен состоял из трех частей: две — тестовые задания и одна — письменный развернутый ответ. Оценка выставлялась по наихудшему сценарию: выбиралась самая низкая оценка из трех — она и была итоговой. При ответе 5—5—3 оценка была бы — 3, при 5—4—5 — 4 и так далее... Меня «погубило» восстание Декабристов. Единственной ошибкой в моем вступительном экзаменационном задании были перепутанные «Южный союз» и «Северный союз» с «Южным обществом» и «Северным обществом». Моя итоговая оценка, а после

объявления результатов по истории многие в списках поступающих, что называется, «посыпались» — была 4. Далее я сдала иностранный язык и была зачислена на специальность «социальная антропология» на вечернее отделение. Сначала я сильно расстроилась. Помню, при индивидуальной беседе перед зачислением декан факультета социологии Николай Генрихович Скворцов (он до сих пор занимает этот пост) сказал мне, что не стоит горевать и вечернее — ничем не отличается от дневного отделения, сказал, что сам он закончил вечернее и вот он передо мной — декан. В РГПУ я поступила без проблем на дневное отделение при конкурсе 8 человек на место, но выбор был уже predetermined заранее и сомнений не было никаких — Университет. В дальнейшем, мне очень помогло вечернее отделение, потому что моя семья весь период моего обучения была в довольно стесненных финансовых обстоятельствах и свободное время днем позволило мне работать. Сильное впечатление на первом году обучения оказали курсы по логике доц. Ладушкина, социолингвистика и введение в специальность Александра Владимировича Тавровского. Александр Владимирович ездил на филфак и привозил нам в аудиторию большие карты, отражающие ареал распространения диалектных слов. Например, отчетливо помню карту, на которой были помечены диалектные версии слова «огурцы»: «огурки», «огуронки» и т.д. Требовательность и высокий профессионализм Александра Владимировича очень привлекали и, впоследствии, мне посчастливилось поработать с ним как с научным руководителем и считаю, что мне в этом выборе очень, очень повезло.

В целом, на первом курсе было много общих специальностей: высшая математика, экономика, история... На дальнейших курсах были замечательные лекции Марины Степановны Куропятник по антропологии родства, Веры Игнатьевны Бочкаревой — по теоретической социологии, Виталия Евгеньевича Григорьева — по методологии количественных исследований, Вадима Евгеньевича Семенкова — по социологии культуры, Марии Владимировны Рубцовой — по управлению и планированию, Ирины Крецер — по межкультурной коммуникации. К 4 курсу я была студенткой-отличницей, но, если честно, с трудом себе представляла свое будущее в качестве социолога и, хоть вступительный туман и иллюзии рассеялись, появились новые. Вадим Евгеньевич говорил нам: «Вы все очень хорошие, и Вы мне нравитесь. Но я не вижу, чтобы Вы были готовы на серьезную научную работу». Хотя это звучало и горько, но было на тот момент — справедливо. На 4 курсе моего обучения произошло знакомство с преподавателем, которое я считаю для себя во многом, не побоюсь этих слов, определившим мою дальнейшую судьбу.

Дело было таким образом: во втором семестре 4 курса я не успела выбрать спецкурс. Оставался только один у какого-то неизвестного нового преподавателя. Я пропустила первое занятие по этому курсу и потом узнала у одногруппников, что для того, чтобы его посещать, преподаватель просит к каждому занятию делать письменную работу. Делать было нечего, я без особого старания написала первое эссе, посвященное сравнению качественной и количественной методологии социологического исследования, и пришла на второе занятие. В тот период моей жизни (20—21 год) я была очень скептически и критично ко всему настроена. Видимо, во мне играл мой юношеский максимализм. Помню, что я как-то очень дерзко ответила на какой-то вопрос Анисьи Михайловны Хохловой в начале ее занятия, но уже через несколько минут я поняла, что это тот человек, у которого

стоит и нужно учиться. Тот спецкурс назывался «Методология исследования культуры и конфликтов» и, по большому счету, был посвящен качественной методологии социологического исследования. Занятия Анисьи были блестящи: они сочетались с ее педагогическим талантом, великолепной теоретической эрудицией и богатым эмпирическим опытом. При этом Анисья всегда имела персональный подход к каждому студенту. В ту весну я начала по-настоящему гореть социологией, искать, читать, думать. Социология началась для меня с Анисьи. На следующий год Анисья прочитала нам великолепный курс по социологии повседневности (на мой вкус, самый сильный из всех тех курсов, которые вообще преподают на факультете), и по социологии города, а через год, на шестом курсе — по социологии культуры. В тот момент я занималась исследованием в русле социологии города, и лекции занятия Анисьи еще больше разожгли мой интерес. Я тщательно готовилась к ее занятиям, наперед читала все ридеры и больше, поскольку в споре с Анисьей никогда не хватало пустых аналитических способностей — нужно было владеть текстами. К каждому занятию, помимо чтения литературы, нужно было писать эссе, и уже вечером после занятий перед сном я горячо чувствовала образы, которые потом и становились ответами в этих письменных работах. Та ответственность, с которой Анисья преподавала нам, не давали возможности безынициативно подходить к поставленным задачам. Я рада, что она, как преподаватель, ценила мои работы и даже при случае показала одну из них Петру Штомпке.

После лекций вечером мы с моей подругой Еленой ходили вместе с Анисьей по Шпалерной и Фурштатской улицам (как правило, шел снег), до метро Чернышевская и разговаривали по пути домой. Наши разговоры потом перешли в формат личной переписки, и таким образом, мы с Анисьей стали друзьями. Это было и есть предметом моей огромной гордости — быть другом Анисьи Хохловой. Сегодня мы работаем бок-о-бок на одной кафедре, вовлечены в разнообразные научные проекты, вместе пишем статьи и выступаем на конференциях, я с удовольствием замещаю Анисьины лекции в период ее командировок.

Недавно, готовясь к семинару в Высшей школе экономике, я нашла и пролистала тетрадь с того курса по качественным методам, который нам преподавала Анисья и почувствовала, что эти и последующие лекции были одними из самых ярких и эмоциональных моментов в моей научно-ученической жизни.

Что же, Лена, далеко не всем так везет... по какой теме Вы писали дипломный проект?

На третьем курсе мы с моей коллегой по обучению Еленой Петровой прогуливались дворами в районе Удельной на пути к парку Сосновка. И вдруг у нас возникла идея изучать дворы. Кажется, то, что мы тогда делали вместе с Еленой и научным руководителем на третьем курсе, было достаточно наивно и не выдержало бы сейчас критики. Однако именно в тот день возник искренний интерес к городским исследованиям, которыми я пытаюсь заниматься до сих пор. Мои промежуточные работы были посвящены в большей степени так называемым «сообществам — «за»: тем соседским группам, которые занимаются не протестной деятельностью, а созданием чего-то нового, самостоятельным решением каких-либо локальных проблем, например, благоустройством. Между тем, с течением времени и погружением в перипетии жилищных сообществ, их

внутреннюю структуру, динамику и т.д. пришло осознание, что не существует в чистом виде сообществ — за и сообществ — против. Соседское, локальное сообщество, в американском варианте — neighborhood — это всегда сложносочиненное социальное явление, которое на разных этапах своего развития, а порой и одновременно, может включать как акции по благоустройству, так и деятельность по оспариванию городского пространства от агрессивного, по мнению горожан, вмешательства сильных групп интересов (городские или муниципальные власти, девелоперы, инвесторы, строительные компании) в виде уничтожения скверов и других зеленых насаждений, уплотнительной застройки или же сноса зданий и строений. Именно подобное вмешательство в пространства повседневного, каждодневного пользования горожан, а также те инструменты, к которым прибегают участники градостроительных конфликтов в процессе оспаривания городских территорий и стало, в итоге, моим центральным научным интересом. Стоит отдельно подчеркнуть, что те теоретические основания, к которым мы пришли с моим научным руководителем Александром Владимировичем Тавровским еще в моем студенчестве, до сих пор являются для меня актуальными: его предложение попытаться проинтерпретировать дискурсы и действия локальных активистов сквозь призму прагматической социологии Лорана Тевено отразилось и в диссертационном проекте.

А не пробовали изучать методами фотосоциологии старые Петербургские дворы? Эта реальность вскоре совсем исчезнет. Они (дворы) — еще (чуть-чуть) хранят дух дореволюционного Петербурга...

Действительно, мы делали с коллегой попытки своеобразным образом «подцепить» атмосферу и причудливое обустройство петербургских дворов методом визуальной антропологии, но, как оказалось, эти попытки были очень наивными. Однако с большим интересом изучали старые и новые фотографии Петербургских дворов. Особенно большое впечатление производили альбомы Владимира Антощенко. По итогам нашего дрейфа по дворам мы написали первую свою публицистическую статью в журнале ЛЭТИ «Метроном Аптекарского острова»...

Да, конечно, дворы, мосты, фонари, решетки, фигуры львов, отдельные лестницы еще хранят прошлое... но нужно желание и умение это увидеть. Более полувека назад моя мама, работавшая в Театральной библиотеке, вместе с Евгением Павловичем Злобиным (недавно умершим телережиссером, а тогда, по-моему, студентом Театрального института), он был прекрасным фотографом, много ходили по Ленинграду и делали черно-белые снимки всего, в чем можно было увидеть Петербург. Интересно, сохранилась ли эта коллекция...

Когда Вы окончили университет, по какой теме делали дипломное исследование?

Моя выпускная квалификационная работа как раз и была посвящена тому, как жильцы пытаются обосновать свое «право на город» посредством защиты той территории, которую они в силу различных обстоятельств воспринимают в качестве своей или же путем ее улучшения в виде благоустройства. Непопулярные среди горожан решения городских властей и строительных компаний по трансформации пространства и его редевелопмента: в виде уплотнительной застройки

или сноса зданий, а также уничтожения зеленых насаждений в пользу более коммерчески выгодного использования территорий приводят в мобилизации горожан и поиску возможных решений, которые опосредованы узкой структурой возможностей оспаривания пространства в нашем городе, а также предыдущим опытом самоорганизации. Помимо протестных инициатив, в своем дипломном проекте я рассмотрела и случаи самоорганизации жильцов с целью благоустройства городского пространства и сравнила эти два механизма — динамику локальных сообществ, вовлеченных как в дело по улучшению места своего повседневного использования, так и в протестную мобилизацию. Уже в диссертационном исследовании я сосредоточилась только на случаях сопротивления горожан агрессивному девелопменту и планированию со стороны так называемых сильных групп интересов — инвесторов, строительных фирм и разного уровня властных структур.

Лена, это какой год был? И Вы сразу поступили в аспирантуру? Направление диссертационного исследования Вы обозначили, но не могли бы Вы теперь указать какие-либо конкретности, детали Вашей работы? Приведите несколько примеров «сопротивления горожан».

Поскольку я училась на вечернем отделении (которого, кстати, больше не существует в СПбГУ, что весьма сокращает шансы на поступление таких, как я), то мое студенчество продлилось не классических 5 лет, а 5 с половиной. Дипломы мы защищали в морозном феврале 2010-го года. По своему внутреннему самоощущению и парадигмальным предпочтениям я поняла, что хотела бы скорее заниматься социологией, а не антропологией, хотя версия антропологии и полевые исследования, которые мы проводили в рамках этой дисциплины, очень пересекалась с микросоциологией. Летом 2010 года я успешно сдала экзамены в аспирантуру и поступила на кафедру социологии культуры и коммуникации под научное руководство Владимира Ивановича Ильина.

В аспирантуре мое исследование «качнулось» от изучения дискурсивных легитимаций участников конфликтов к рассмотрению их практик, а также более широкого социально-политического и социально-экономического контекста, который опосредует действия всех сторон процесса оспаривания городского пространства. Например, среди жильцов Сергиевского квартала (квартал, ограниченный наб. реки Фонтанки, Кутузовской наб., ул. Чайковского и Гагаринской улицей) стала распространяться информация о том, что здания будут снесены, а на их месте застройщики возведут новые коммерческие и жилые постройки. На митинге, посвященном обсуждению возникшей ситуации и способов ее решения, жильцы демонстрировали друг другу предварительный план застройки квартала, который им удалось каким-то хитрым способом добыть у местной администрации. Как правило, риторика представителей локального сообщества обращается вокруг тех «ресурсов», которые они имеют, либо же которые есть у оспариваемой территории. Часть жильцов ратовала за сохранение квартала, обращаясь к его исторической и архитектурной ценности, тогда как другая группа жильцов стала стигматизировать подобный аргумент в пользу рационального подхода: срочной приватизации квартир, создания ТСЖ, которое позволило бы оградить территорию от внешнего вмешательства. Получается, что у обеспокоенных горожан было две возможности сохранить свою территорию от трансфор-

мации — это публичный протест и так называемая стратегия «выхода» — смены субъекта, который принимает решение в отношении оспариваемого участка городского пространства. В иных же случаях, к примеру, данная опция либо заблокирована: как произошло с владельцами снесенных гаражей (несколько лет назад «гаражники» имели возможность приватизации гаража, но не пользовались ей, так как собственность на постройку не проблематизировалась), либо попросту не существует: как, например, в ситуации оспаривания такого публичного пространства как площадь. Например, площадь Мужества. В таких ситуациях горожане вынуждены прибегать к самому изощренному репертуару сопротивления: автопробегам, созданию локального фольклора вокруг конфликтных курьезов, сбору подписей, перекрытию улиц, физическому сопротивлению, захвату территории и установки на ней палаток с круглосуточным дежурством, виртуализации сообщества, а также, что стало характерно для последних лет, к выстраиванию сетевых альянсов с другими локальными протестными группами, градозащитными организациями, что иногда ведет локальных активистов к политизации и осознанию ответственности не только за «свою» территорию, но и за весь город. Примечательно, что не только жильцы прибегают к гибким и скрытым маневрам — своеобразным тактикам сопротивления, но и те, кто исполняют решения властей, также не чужды подобным действиям. Например, в ходе «гаражных войн» — сноса боксов, владельцы запирались в своих гаражах и тем самым препятствовали их сносу, в то время как работники подгоняли к гаражу грузовики и буквально оттуда «выкуривали» гаражников выхлопными газами!

Так, сложная тема: и по замыслу, и по методам изучения. К каким же основным выводам вы пришли?

В результате проведенного исследования я пришла к множеству выводов. Во-первых, процесс оспаривания городского пространства в России происходит в условиях неопределенности, порождаемой сосуществованием множественных режимов прав собственности, постоянными корректировками законодательных баз, непрозрачностью решений и действий городских властей и инвесторов, отсутствием своевременного и полного информирования населения о проектах городского развития, и, в целом, общей правовой неграмотностью горожан и отсутствием устойчивой традиции гражданского участия, сколько бы не говорили о возрастающем количестве протестов. Поэтому все стороны конфликтов, включая даже и городских властей и инвесторов, сталкиваются с неожиданными для себя опытами, с различного рода новыми и неизведанными заранее «прагматическими испытаниями». Тот факт, что часть решений властей все же принимается в пользу горожан и свидетельствует об этой структурной множественной неопределенности. Во-вторых, классики социологии города уверенно утверждают, что сильным публикам характерны пространственные рациональные стратегии, тогда как слабым (горожанам) — пространственные гибкие и неявные тактики и практики. Оказалось, что и те, и другие прибегают и к стратегиям, и к тактикам. В-третьих, среди российских социологов существует устойчивое утверждение, что горожане поддерживают патерналистские отношения с городскими и федеральными властями. Однако оно не нашло подтверждения на материале изученных эмпирических случаев. Напротив, слабые группы интересов на начальных

стадиях оспаривания городского пространства прибегают к легальным способам борьбы, которые, ввиду сложившейся структуры политических возможностей в Санкт-Петербурге, оказываются малоэффективными, что ведет к персонифицированному обращению к высокопоставленным чиновникам. Проще говоря, горожане пытаются добиться чего-то через суд, но постоянно проигрывают, поэтому далее в ход идут все иные возможные инструменты. Выбор стратегий оспаривания городского пространства локальными активистами коррелирует с уровнем организации и степенью институционализации локальных сообществ. Локальные сообщества, имеющие форму организованной группы, проявляют большую склонность к созданию сетевых альянсов с другими инициативными группами, а также к сотрудничеству с градозащитными организациями города, нежели чем группы, находящиеся на латентной стадии групповой динамики. Как я уже показала на примере Сергиевского квартала и других случаев, различия в репертуаре инструментов оспаривания городского пространства локальных активистов зависят от возможности сменить делегированного субъекта принятия решений по отношению к территории. Данная возможность, свою очередь, зависит от типа городского пространства – в случае защиты площади или улицы эта опция просто не существует или маловероятна: для этого нужно сменить губернатора и городское, а порой – и федеральное, законодательство. И именно при таком условии отсутствия возможности выбрать по своей воле организацию, ответственную за принятие решений о судьбе оспариваемой территории, локальные сообщества для эффективной защиты городского пространства обращаются к публичным протестным действиям. Вообще, стоит заметить, что существенной проблемой коммуникативного взаимодействия членов локальных сообществ, властей и девелоперов выступает отсутствие посредников, которые могли бы переводить зачастую эмоциональные требования местных активистов на понятный административно-бюрократический язык сильных групп интересов, так и, в принципе, осуществлять обратную связь. Вообще же часть локальных протестов может произойти и вовсе при отсутствии реальной угрозы городскому пространству, что происходит вследствие низкой информированности горожан о градостроительных планах сильных групп интересов и их последствий. Диссертационное исследование содержало множество других выводов, приведение в полном виде которых здесь не представляется возможным.

Лена, Вы много преподаете, в разных университетах... какие курсы Вы читаете?

Поскольку моя должность в СПбГУ – ассистент, то я не могу вести лекции по обязательным дисциплинам. Поэтому в Университете я веду семинары по социологии коммуникации, коммуникационному менеджменту и социологии конфликта. Нередко мне приходится замещать Анисью Хохлову и читать за нее лекции по курсу «Социология культуры» на философском факультете, факультетах искусств и социологии. В следующем учебном году совместно с Карин Клеман – ведущим специалистом в области изучения общественных движений, будем вести в университете спецкурс «Социология общественных движений». В Высшей школе экономики мне выпала удача взаимодействовать со студентами во всех тех контекстах, которые касаются исследований города: я веду курсы «Социология города» и «Урбанистика», совместно с Маргаритой Кулевой –

научно-исследовательский семинар «Культура. Город. Потребление», а также вместе с Даниилом Александровичем Александровым, Яной Крупец, Надеждой Нартовой и Ксенией Тенишевой принимаю участие в курировании городской полевой практики студентов. В этом году мы изучали телесность, локальную занятость, безопасность, школы и практики самоорганизации жильцов левобережной части Невского района. У меня довольно широкий опыт публичных выступлений, связанный, в том числе, и с преподаванием на школах СПбГУ и НИУ ВШЭ.

Вы многое знаете, многое успели, недавно защитили кандидатскую диссертацию. У Вас нет планов поучиться или поработать недолго на Западе в одном из университетов? Для представителей Вашего поколения это достаточно распространенная практика...

Борис Зусманович, действительно, Вы правы, что работа на Западе является для многих молодых социологов очень желанной. Мне очень повезло в том, что после защиты диссертации мне предложили работу несколько петербургских университетов и научных организаций. В данный момент мне бы хотелось сосредоточиться на работе в Санкт-Петербурге. Однако у меня был опыт сотрудничества с иностранными учебными заведениями: при содействии ЦНСИ вместе с грузинскими преподавателями и студентами Тбилисского государственного университета у нас была прекрасная школа по методам полевого исследования города, при поддержке DAAD я стажировалась в Собронне в Париже, у меня было сотрудничество с социологами из университетов Лозанны и Женевы: в сентябре прошлого года они пригласили меня в Швейцарию для работы над подготовкой совместной научной заявки, и, если все получится, в январе следующего года я бы хотела пройти стажировку в Парижской EHEES (Высшей школе социальных наук).